

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК: 371.48
ББК Ч 31.0

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

И. Г. Фомичева

Теоцентрическая образовательная модель основана на «объективно-идеалистическом понимании человека как продукта божественного творения, инобытия абсолютного духа» (Л. А. Беляева). Эта модель сложилась в средневековье, она трактует воспитание как подготовку к вечной, загробной жизни (Аврелий Августин, Боэций, Клавдиан Момерт, Макробий и др.). Цель воспитания связывалась со служением богу, формированием богоугодных качеств личности. Утверждался примат духовного над телесным, поэтому одной из важных задач воспитания средневековая философия и теология видела в укрощении плоти, подчинении влечений и страстей высшему, духовному началу. Воспитание было пронизано заповедями смирения, терпения, покорности, подчинения человека воле божьей. Цель земной жизни, а, следовательно, и цель воспитания понимались как спасение души и обретение вечного блаженства в раю. Результат воспитания – человек, верующий в бога, детерминированный его волей, зависимый от него. Таким образом, центром этой модели воспитания является Бог как абсолютная духовная сущность, носитель всех совершенств и в то же время как конкретно-чувственное воплощение педагогического идеала.

К характерным особенностям этой модели можно отнести традиционализм и авторитаризм. Традиции закреплялись обрядами, определенным этике-

том, культом. В рамках культа сформировались такие действенные средства воспитания, как исповедь, покаяние, молитва, пост и т. д. Для педагогических отношений характерно безусловное доминирование старших и беспрекословное повиновение младших.

Разработка теоцентрической модели воспитания была позднее продолжена в трудах Флавия Кассиодора, Ф. А. Голубинского, В. Н. Карпова, У. Джемса, С. Булгакова, С. Л. Франка, П. П. Флоренского, В. В. Зеньковского и др. По сути центр модели остается тем же – Бог как высшая и абсолютная инстанция, однако меняются акценты и в целях воспитания, его формах и средствах, и даже в содержании.

В начале XX века социологи предсказывали, что религия доживает последние дни и скоро исчезнет. А происходит это потому, по их мнению, что вера в сверхъестественное не может поддерживаться в расширяющийся научный век, и потому человеческое общество вскоре будет, перефразируя Фрейда (1927г.), «излечено от инфантильной иллюзии религии». Процесс исчезновения религии называют секуляризацией, как факт перехода от религиозного к мирскому (светскому) объяснению жизни [1]. Этот процесс рассматривается как длительный и необратимый. Известный философ и антрополог Энтони Уоллес писал по этому поводу следующее: «Эволюционное будущее религии – ее угасание. Вера в нечто сверхъестественное... останется лишь в качестве интересной исторической памяти. Это едва ли случится в следующем поколении, процесс этот, вполне вероятно, займет несколько сот лет... Но как культурный след, вера в сверхъестественные силы обречена на вымирание повсюду на земле как результат расширения адекватности и диффузии научных знаний» [2]. В свое время еще французский философ Август Комте, которому принадлежит заслуга введения в научный обиход термина «социология», полагал, что социология будет служить своего рода научной замене религии. В целом суждение о том, что религия фальшива и обречена, было широко распространено среди социологов с самого начала появления науки «социологии». В течение более чем 150 лет социологи предсказывали триумф секуляризации. Однако к концу 70-х годов XX века многие из них были вынуждены признать положение о секуляризации ошибочным. Старк, Бейбридж, Белл, Мартин и другие начали высказывать предположения о том, что положения о секуляризации бесперспективны [3], и что социологи ошибались, принимая очевидный упадок когда-то мощной религиозной организации за общий закат религии. Бо-

лее того, они убедительно доказали, что секуляризация есть самоограниченный процесс, ведущий не к антирелигиозности, а к сдвигу источников религии. Эти же подтверждения можно найти в фактах возрождения христианства в России, усилении влияния исламского фундаментализма в мире. Таким образом, вести речь об отмирании теоцентрических идей, а следовательно, и теоцентрических образовательных моделей даже в современных условиях невозможно и бесперспективно.

В последние годы многие видные ученые пришли к научному осознанию существования космического разума. Их исследования волей-неволей стали переключаться с эзотерическими знаниями и религией. А там существует версия, что человек на Земле был создан Богом путем уплотнения духа. Эзотерические науки и религия являются не примитивной сказкой, в них заложен глубокий смысл кем-то и когда-то определенный в сознание людей в аллегорической религиозной форме. Земная голографическая форма жизни, возможно, незримо присутствует рядом с нами, имеет свои законы существования и развития. Контакт с ней мы имеем в основном на уровне подсознания, которое в виде интуитивного шепота управляет нашими желаниями и устремлениями. Влияние этой формы жизни на нас малозаметно, но, наверное, весьма значимо. Возьмем хотя бы такие факты, как подсознательное увлечение различными теориями. Через подсознание земная голографическая форма жизни помогает физической форме. Недаром говорят, что подсознание – это интуитивная подсказка Бога [4].

Сегодня происходит реальное смещение общественного мнения в сторону симпатии к религии, к церкви, к верующим. Если учесть всю совокупность исторических и социальных условий, посмотреть на десятилетия взаимоотношений Советского государства с религией и церковью, на политику изоляции отечественной культуры от философско-религиозной мысли как прошлого, так и современности, этот интерес не просто оправдан – он необходим для возрождения целостности отечественной культуры, ее, так сказать, цивилизационного статуса. Дело не только в том, что без таких имен, как П. Чаадаев, П. Хомяков, В. Соловьев, В. Рязанов, Н. Бердяев, Л. Шестов, П. Флоренский, не говоря уже о взглядах на религию Гоголя, Достоевского, Толстого, культура останется калеккой, но и в том, что «...без тех “накоплений”, которые дала средневековая наука, также как и без того изменения в понимании человека и космоса, которое внесло христианство (а оба эти момента непосредственно

друг с другом связаны), невозможно представить себе научной революции, положившей начало новой эпохе в развитии науки» [5, с. 72].

Сегодняшнее внимание к религии, по мнению Л. Н. Митрохина, идет от «противного» и в первую очередь связано со спецификой, отличающей ее от других форм сознания (идея Бога, Абсолюта, вечности моральных норм и т. д.) [6, с. 314]. Надежное функционирование и выживание общества предполагает непрерывность и устойчивость его жизнедеятельности и социально целесообразное поведение его членов. Это достигается системой запретов, норм, табу, ценностей, которые способны придать цельный, заверченный вид социальным процессам, «восполнить», «компенсировать» разрывы как в социальной ткани общества, так и в общей ориентации людей, обеспечивая тем самым условия для предельной интенсификации «внутреннего мира» человека: целеустремленности, уверенности, последовательности. На ранних этапах истории, когда личностное, автономное сознание только формировалось, именно представление о «всевидящем» боге во многом способствовало переходу от исключительно «внешних» (принудительных) способов регуляции поведения к «внутренним», подчиняющимся соображениям совести, предполагающим полную свободу человеческих решений. Все это противоречит религиозному запугиванию «геенной огненной», вечным проклятием, установке на полное подчинение божьей воле и т. д.

Религиозное мировоззрение вбирает широкий спектр философских, художественных, этических идей, выступая в качестве восполнителя того, что суммарно определяется как бездуховность. Не может быть сомнения в том, что вера в бога по-своему снимает чувство отчуждения, социальной неприютности, намечает простор для обретения собственного «я».

Не случайно сегодня люди, потерявшие социальные ориентиры, испытывают потребность в решении фундаментальных смысложизненных проблем с помощью религии. «Язык» теологических систем и есть тот механизм, та система духовно-психологических координат, которая позволяет человеку отыскать, по выражению Б. Пастернака «нужную ему точку в безбрежном пространстве духовной культуры».

Несмотря на специфические особенности некоторых позиций современного религиозного воспитания, теоцентрическая модель имеет очевидные преимущества перед другими моделями. Особенно сильны позиции теоцентрической модели в области духовного, нравственного воспитания личности.

Сила этих позиций, прежде всего, заключается в наличии заданных извне нормативных систем моральной регуляции. Эти системы, выраженные в абсолютных моральных нормах, настолько хорошо разработаны, опробованы в доступных для понимания человека любого возраста, любого уровня образования и культуры формах, что, пожалуй, с ними не может сравниться ни одна другая воспитательная модель. Это с одной стороны. А с другой, – трансцендентальный, мистический, не поддающийся рациональному объяснению характер этих норм создает почву для вечных духовных исканий, духовного совершенствования, а это – акт индивидуального творчества, к чему так стремится любая педагогическая система.

Слабость же и уязвимость теоцентрической модели неразрывно связана с ее сильной стороной, с ее принципиальной сутью, с неразрешимым противоречием между духовной свободой индивидуальности и всеобщим абсолютном, следовать которому необходимо всем без исключения, то есть противоречием между свободой и подчинением. Воспевая гимн свободному духовному становлению личности, теологи тем не менее настаивают на том, что «религиозная свобода – для верующего, а вовсе не для неверующего сознания» (В. В. Зеньковский). Следовательно, ребенка, который мал и неразумен необходимо религиозно образовывать.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что теоцентрическая модель таит в себе как огромный (и пока до конца не реализованный) потенциал творческого духовного самораскрытия, самообновления, самореализации личности, так и реальную опасность, связанную с подавлением личности, подчинением ее чужой воле.

В рамках теоцентрических представлений появление человека – тайна, загадка, связанная с иррациональной областью. Целью же развития человека является приближение к Божественному Идеалу, но лишь приближение, потому что достичь его невозможно.

Несмотря на довольно раннее появление этой образовательной модели (раннее средневековье), на исторически меняющиеся взаимоотношения церкви и государства, религии и общества (от доминирующего и подавляющего господства до почти полной секуляризации и попыток отлучения и забвения), теоцентрическая модель не только не исчезла с течением времени (потребность в ней не отпала), но даже можно зафиксировать рост ее авторитета (в связи с незаполненностью, вакуумом духовной жизни) и расширение границ

и сфер ее влияния. Авторитарно-подавляющий механизм воспитательного воздействия практиковался на протяжении многих веков, особенно во времена господства религии на государственно-идеологическом уровне. Основными средствами воспитания при этом механизме выступали покаяние, молитва, пост, заучивание религиозных текстов и др., построенные на страхе или угрозе наказания и расплаты за неправильное, «греховное» поведение или действие. Под эту модель и под этот механизм подводилась вся система работы со всеми без исключения детьми. Эффективность ее была достаточно велика. Однако высока оставалась и вероятность того, что «вдалбливаемые» догмы и постулаты не станут внутренним убеждением и внутренним побудительным мотивом всех без исключения детей, проходящих через эту систему. Именно об этом писал в свое время В. В. Зеньковский. Поэтому, а также в связи с ослаблением влияния религии на государство, изменением общественного отношения к религии, стал необходим поиск новых способов и подходов к религиозному воспитанию и образованию. Новые требования времени сделали необходимым применение в теоцентрической образовательной модели авторитарно-развивающих методов и технологий обучения и воспитания, построенных на объяснении, доказательстве, логике, иллюстрациях. Внедрение механизмов авторитарно-развивающего воздействия потребовало отказаться в религиозном воспитании от муштры, тупого заучивания непонятных текстов, слепого повиновения старшим, свойственных авторитарно-подавляющему механизму. Основной упор в воспитании, построенном на авторитарно-развивающем механизме, делается на понимание детьми сути религиозного учения, на осознанном, действенном принятии религии в качестве смыслообразующей основы жизни. Однако это возможно лишь в случае длительной работы с детьми, изначально не испытывающими потребности в религиозном образовании и воспитании.

Перемены, связанные с отделением церкви от государства и образования, закрепленные законодательными актами, приводят к тому, что религиозное образование перестает восприниматься на уровне должного, следовательно, возникает необходимость искать новые механизмы воздействия на взрослых и детей с целью привлечения их к религиозным идеям. Такими новыми механизмами могут быть только механизмы ненасильственного воздействия, при которых у «объектов» воздействия появляется позиция, вербализованно выраженная как «я хочу», основанная на интересе, стремлении, желании включиться в неизведанную доселе область. При этом средства, методы и формы воздейст-

вия, приводящие к желаемым результатам, могут быть различными в зависимости от особенностей объектов воздействия. Одних людей религия привлекает к себе красочной символикой и атрибутикой, торжественными ритуалами, обрядами, то есть самой атмосферой религиозного действия; других – своим мистицизмом, чудесами и тайнами, своей иррациональностью; третьих – возможностью приобщиться к коллективному действию и коллективному разуму, направляемому великой сверх-идеей, особенно это относится к людям, испытывающим, по разным причинам, чувства одиночества, изолированности, покинутости, страха; четвертые ищут в религии возможности душевного контакта, душевного диалога с «богопосредником»; пятых привлекают возможности духовного роста и т. д. и т. п. В любом случае ненасильственного религиозного воздействия учитывается психология той или иной категории людей, того или иного человека. Направленное воздействие должно попасть в зону ближайшего развития личности и создавать новые, более сильные потребности, мотивацию для закрепления и углубления воздействия и появления возможностей применения новых воздействий.

Основными формами теоцентрического воспитания, которые можно использовать в светском воспитании с целью его гуманизации, являются следующие:

- Включение в атмосферу религиозного действия: храм, как неперенный атрибут любой религии, его архитектура, убранство, религиозные песнопения создают эффект погружения, настраивают психику человека на определенное восприятие событий. Кстати, предварительное создание определенной атмосферы дает небывалый эффект и в образовательном процессе;
- Применение специфической символики – креста (христианство), полумесяца (ислам), шестиконечной звезды (иудаизм) и пр. способствует формированию возвышающего чувства гордости, связанного с принадлежностью к определенной духовной культуре, взаимопомощи и поддержки людей, связанных единым духовным началом. Использование символики в светском воспитании, как показывает практика, также значительно повышает эффективность воспитательного процесса, способствует формированию мировоззренческих качеств личности (скауты, пионеры и пр.);
- Использование ритуалов, обрядов (молитва, покаяние, исповедь, крещение и пр.) приобщает человека к религиозному таинству и религиозному сообществу, формирует, «цементирует» определенный нравственный стержень

личности, не позволяющий ей совершать безнравственные поступки (не грешить). Таким образом вырабатываются навыки поведения, соответствующие определенным нравственным нормам. Ритуалы и обряды широко используются и в светском воспитании – торжественный прием в пионеры (скауты), произнесение клятв, пионерский костер, линейки и пр.

- Чтение религиозных текстов (Библии, Корана, Торы и др), имеющих, как правило, нравственное содержание, с последующим обсуждением и комментариями позволяет не только передать определенные нравственные знания, но и способствует формированию творческих качеств личности, поскольку специфика религиозных текстов позволяет каждый раз по-новому интерпретировать и комментировать их применительно к разным ситуациям. Многие выдающиеся педагоги пытались использовать эту идею теоцентризма и в светском воспитании. Так, Л. Н. Толстой подготовил и в 1906 г. издал «Круг чтения: избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Своеобразную хрестоматию по нравственному воспитанию детей пытался создать В. А. Сухомлинский, к сожалению, закончить эту работу при жизни он не успел.

- Упражнения в малых нравственных поступках, соответствующих возрасту и уровню развития религиозного сознания, используются практически во всех религиях для формирования навыков религиозного (нравственного) поведения – помочь более слабому, простить обидчика, не желать зла врагу, побороть искушение и пр. Известный педагог XIX века П. Ф. Каптерев разрабатывал «идею нравственного закаливания», а Л. Н. Толстым предложена, так называемая, теория малых дел (каждый день должен быть отмечен хотя бы одним, хотя бы маленьким, но добрым делом, иначе день прожит зря).

Таки образом, мы видим, что практически все идеи теоцентризма могут быть использованы и успешно используются наиболее выдающимися педагогами в гуманистическом воспитании, особенно в воспитании нравственных, ценностных, мировоззренческих качеств. Теоцентрическая образовательная модель, пережив параллельно с мировыми религиями периоды расцвета, доминирования, неприятия и фактического отторжения

Литература

1. Rodney Stark. Sociology. Third edition. Belmont, California, 1989. P. 404–432.
2. Wallace Anthony F. C. Religion: An Anthropological View. New York: Random House, 1966.
3. Stark R., Bainbridge W. S. Secularizations, Revival, and Cult Formation. // The Annual Review of the Social Sciences of Religion, 1980; Bell D. The Winding Passage. Cambridge, 1980; Martin D.. Disorientations to Mainstream Religion: The Context of Reorientations in New Religious Movements. // The Social Impact of New Religious Movements. New York, 1981.
4. Э. Мулдашев. Матрица жизни на земле // А и Ф. 2000, № 48.
5. Гайденок П. П. Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.
6. Митрохин А. Н. Религия и мы // Квинтэссенция. Философ. альм. М.: Политиздат, 1990.
7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии: Изд. Свято-Владимирского Братства, М., 1993.